

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

Серия «Глория и другие»

ДЕТЕКТИВЫ

НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы Змей»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Все совпадения неслучайны»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Венера Челлини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Третье рождение Феникса»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Черная жемчужина императора»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Монета желаний»
- ✓ «Магия венецианского стекла»
- ✓ «Загадка последнего Сфинкса»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой идол Огнебога»
- ✓ «Часы королевского астролога»
- ✓ «Ларец Лунной Девы»
- ✓ «Золото скифов»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Звезда Вавилона»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный лев друидов»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

ТАНЕЦ СЕМИ ВУАЛЕЙ

Астрель
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
С 60

Дизайн обложки — дизайн-студия «Три кота»

Подписано в печать 28.12.11. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 20,2. Тираж экз. Заказ №

Солнцева, Н.

С 60 Танец семи вуалей: [роман] / Наталья Солнцева. — М.: Астрель, 2012. — 382, [2] с.

ISBN 978-5-271-40461-0 (ООО «Изд-во Астрель»)

Модный московский психоаналитик Юрий Павлович Оленин богат и избалован вниманием женщин. Одна беда — ему не везет с ассистентками. Одна убита, другая бесследно пропала. У Симы, очередной помощницы Оленина, есть причины заволноваться. По Москве ползут слухи о докторе-убийце. Олег Карташин, влюбленный в Симу, пытается предупредить ее об опасности, но равнодушная к доктору девушка не желает верить фактам и обращается за помощью к Глории. Та пытается разобраться в запутанном деле. В ходе расследования становится ясно, что современные события мистическим образом связаны с судьбой удивительной женщины — танцовщицы Иды Рубинштейн и графа Оленина, ее обезумевшего от страсти поклонника. Но что общего у доктора Оленина и несчастного графа? И почему тень Саломеи незримо витает над таинственным домом в старинном переулке?

В книгу вошел также отрывок из следующего романа «В храме Солнца деревья золотые» из серии «Золото».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

@ Солнцева Н., 2011
@ ООО «Издательство Астрель»

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь — это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Я не могу себе представить красоты, не связанной с несчастьем.

(Шарль Бодлер)

~ ГЛАВА 1 ~

Поздним вечером старые улицы и переулки Москвы погружаются в таинственную мглу. Офисы закрываются, одинокие прохожие торопятся домой, все затихает, замирает в преддверии ночи...

Ночь — время любви и смерти. Время воспоминаний и молитв. Время призраков...

Тук-тук, тук-тук — стучат каблучки женских сапожек по асфальту. В воздухе пахнет весенней сыростью и лопнувшими почками. По пустынному тротуару, облитая лунным светом, шагает молодая девушка — стройная, длинноногая, длинноволосая. Разглядывает темные особнячки, кованые заборы, черные деревья. Дышит...

Она любит гулять по этим улицам и переулкам именно в полнолуние. Когда желтый глаз ночного светила не дремлет и на его магический свет выходят из зеркала тени прошлого. Может, ей повезет, и она увидит тень Мастера и его Маргариты... или мимо бесшумно скользнет «воронок» Берии...

Она читала, что Берия был большой сластолюбец, поэтому молодой и красивой девушке лучше не попадаться ему на глаза. Иначе ее схватят, посадят в машину и... поминай как звали...

Тук-тук... тук... тук...

Девушка остановилась. Через дорогу ей наперерез перебежал черный кот. Не сверкну два зеленых глаза, она бы кота не заметила. Плохая примета? Или наоборот... начинаются чудеса?

Тук... тук... тук... — Девушка робко двинулась дальше. Одинокий фонарь... длинный деревянный забор... за ним — дом с пустыми окнами. Возле дома застыли строительные леса. Слышно, как позванивает водосточная труба, шумит ветер в подворотне.

Девушка замедляет шаг. Навстречу ей кто-то идет. Беззвучно ступает по мостовой. Это женщина... совсем молодая, в длинной юбке и мягких башмаках. Вот почему не слышно ее шагов. Она в чепце, из-под которого свисают по плечам длинные пряди. Полная луна гладит ее по волосам, расстиляет перед ней голубую дорожку...

Незнакомка поравнялась с девушкой и протянула к ней белые, как снег, руки. Ее глаза закрыты... на шее... что же у нее на шее?

Девушка невольно вглядывается. Вокруг шеи незнакомки обмотана... веревка? Миг — и незнакомка с веревкой на шее исчезла.

— Показалось... — прошептала девушка. — Привиделось...

Она постояла, успокаиваясь и переводя дух. Страх сковал ее тело, заставил сердце бешено стучать. Что это там... впереди? Неужели опять жуткий призрак?

Белая юбка мелькнула и скрылась за углом. Девушка все еще стояла в нерешительности. Идти или не идти? Стоять тоже страшно...

Она повернулась и торопливо зашагала в другую сторону. Прочь от гиблого места. Тук-тук-тук-тук... Ее собственный топот пугал ее, эхом отражаясь от каменных стен. Тук-тук-тук... Казалось, сзади кто-то крадется, преследует, настигает...

Девушка боялась оглянуться, она почти бежала. Каблук попал в ямку, нога подвернулась. Кто-то протянул ей руку... белую, как снег, с синеватыми ногтями...

Девушка хотела закричать, но голос пропал. Незнакомка с веревкой на шее была совсем рядом... от нее ве-

яло могильным холодом. Мертвые уста слиплись, оборку чепца шевелил ветер...

Девушка с криком отпрянула и побежала. Каблук сломался, и она не могла бежать быстро. Сзади раздавались чьи-то шаги. Все громче, ближе... Неужели за ней гонится призрак?

— А-а-аааа-аааа-а!..

Ее вопль прервался, горло свело, она пыталась вдохнуть и не могла. Тело отяжелело, колени подогнулись. Гортань хрустнула, в глазах вспыхнули тысячи искр и погасли...

* * *

Москва. Два года спустя

Роман Лавров, начальник охраны компании «Зебрович и партнеры», был на ножах с новым боссом. Колбин докучал ему мелкими придирками и загружал разного рода поручениями, порой бесполезными. Открытой конфронтации босс предпочитал закулисные интриги, прикрывая свое недовольство сладкой улыбкой и приторной вежливостью.

Иногда Колбин не выдерживал, срывался и показывал истинное отношение к начальнику охраны. Конфликт касался вдовы погибшего компаньона Колбина, Анатолия Зебровича. Раньше компанией управлял Зебрович, а Колбин был при нем рабочей лошадкой. Безынициативный по сути, зато прекрасный исполнитель, он отлично играл вторую скрипку. Теперь, когда бразды правления волею судьбы достались ему, роль идейного вдохновителя взяла на себя вдова патрона — Глория.

Именно эта странная женщина и стала яблоком раздора между Колбиным и Лавровым. Каждый имел на нее виды и каждый по-своему пытался добиться ее расположения. Лавров, как более молодой и привлекательный мужчина, ужасно раздражал Колбина. Обстоятельства сложились так, что начальник охраны сумел

войти в доверие к вдове, и та взяла его под свое покровительство. У них возникли какие-то общие интересы, и Лавров всюду использовал это преимущество. Тогда как ухаживания Колбина выглядели нарочитыми, неуклюжими и почти всегда приводили к какому-нибудь конфузу.

Тот факт, что вдова получила в наследство от покойного мужа половину акций компании, делало ее достаточно независимой и вынуждало Колбина считаться с ее мнением. Уволить начальника охраны без согласия вдовы он не мог и только точил на Лаврова зубы, мечтая о поводе избавиться от соперника. Но повод никак не подворачивался.

Лавров, в свою очередь, недолюбливал нового босса. Колбин вставлял ему палки в колеса и не упускал случая сделать замечание или выговор. Сильно притеснять начальника охраны он не осмеливался, так как Лавров имел на него компромат весьма щекотливого свойства. Однажды он застал Колбина за отправлением обряда каббалы*, и с тех пор они заключили договор: Лавров молчит в обмен на лояльность босса. Колбин дорожил своей репутацией и побаивался начальника охраны, делая тому пакости исподтишка. Лавров терпел. Его терпение было обусловлено нежными чувствами к вдове, которая приблизила его к себе настолько, что он надеялся стать ее любовником.

Колбин это понимал и предпринимал попытки если не поссорить парочку, то хотя бы внести охлаждение в их слишком, на его взгляд, тесные взаимоотношения. Он терялся в догадках, на какой почве Глория сошлась с Лавровым, и приходил к тривиальному выводу: дама осталась без мужчины и соскучилась по сексу.

Такой вариант являлся для него нежелательным. И он из кожи вон лез, чтобы обратить внимание вдовы на себя. Благо Глория вдруг решила уехать из Москвы — бросила городскую квартиру и купила дом в Подмоскowie, в ужасной дыре с названием Черный Лог. Туда надо было пилить добрых два часа, причем часть пути при-

---

* Каббала — тайное средневековое мистическое учение.

ходила на проселочные дороги в ухабах и рытвинах. Деревушка затерялась в лесу, там даже не брала мобильная связь. А Глория наотрез отказалась от спутникового телефона, хотя средства позволяли, и Колбин не раз предлагал ей установить телефон за свой счет.

Зато теперь Лавров не имел возможности любезничать с Глорией по сотовому и навещать ее когда заблагорассудится. Правда, Колбин тоже вырывался в Черный Лог от случая к случаю, но такое положение вещей было ему на руку. Соперничать с Лавровым в Москве представлялось ему куда более затруднительным, нежели в Черном Логе. Там, на отшибе, в деревенской глуши, Глория утомится, страсти поутихнут, и восторжествует рассудок. Она поймет наконец, что время романтических вздохов и любовных приключений прошло, — пора остепениться и выбрать достойного претендента на руку и сердце. Плейбой хорош в постели, но не годится для размеренной семейной жизни. Он станет транжирить деньги жены, пить и ухлестывать за молоденькими телками. А Глории, как ни крути, уже далеко не семнадцать.

Колбин здраво оценивал свои шансы. В свои тридцать с хвостиком он выглядел на десять лет старше, а узкие плечи, отвисший живот и лысина на макушке составляли разительный контраст с подтянутым, спортивным Лавровым. Однако Глория уже была замужем за красавчиком, и это не сделало ее счастливой. Колбин надеялся, что она не повторит ошибки.

Женившись на вдове, он станет вдвое богаче, а она приобретет спокойного, предсказуемого спутника жизни, который будет о ней заботиться. По крайней мере из-за Колбина она не попадет в неприятности, как из-за бывшего мужа. Ее не похитят озверевшие молодчики, которые что-то не поделили с покойным Зебровицем, и ее жизнь не будет подвергаться опасности*.

После того похищения Глорию будто подменили. Наверное, пережитый ужас заставил ее покинуть столи-

---

* Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

цу и искать убежища в медвежьем углу. Ее можно понять. Страх делает людей замкнутыми и чужаковатыми. Они уединяются и чувствуют себя защищенными только вдали от всего, что напоминает им о случившемся.

Колбин предлагал Глории поселиться в коттеджном поселке с охраной и мало-мальски развитым обслуживанием. Но та уперлась. Только Черный Лог! В единственном на всю деревню приличном доме умер хозяин, и Глория решила приобрести эти сомнительные хоромы. Странный это оказался дом. Когда Колбин впервые его увидел, ему стало не по себе. Вроде бы обычный двухэтажный коттедж из красного кирпича, но отчего-то Колбина пробрала жуть, когда он вошел внутрь. На миг ему показалось, что массивная дверная ручка в виде головы льва оскалилась, пытаясь укусить его. Глупо, конечно. Однако в следующий раз он попросил слугу открыть ему дверь. Великан удивленно покосился на гостя, но повиновался.

Дом стоял на отшибе, окруженный брошенными заколоченными халупами. Что случись — никого не дозовешься, ни до кого не докричишься. В доме, по слухам, жил деревенский колдун — жуткий урод. Местные крестьяне боялись его как огня и обходили дом сороковой дорогой. Как Глория рискнула купить это мрачное логово уму непостижимо...

Мало того, она оставила при себе слугу умершего хозяина — подозрительного типа, настоящего громилу, который, вероятно, гвозди забивает кулаками и гнет подковы, как Илья Муромец. От одного взгляда этого слуги у Колбина мурашки начинали бегать по коже. И не страшно Глории жить с ним под одной крышей? Все-таки она с придурью...

Седой великан по имени Санта наводил на Колбина суеверный ужас. Однако тот явно терпеть не мог Лаврова, что в какой-то степени примирило Колбина со слугой. Они оба были против начальника охраны. Это их объединяло.

Седой как лунь Санта, тем не менее, выглядел молодым и крепким. Интересно, у него есть женщина? Или он как-то обходится без секса? Не может же у не-

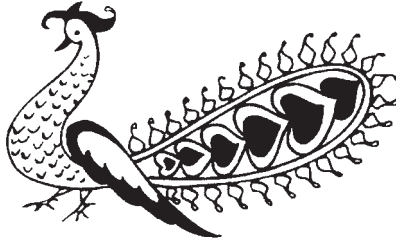
го с Глорией завязаться интрижка? Колбин гнал от себя крамольные мысли, которые нет-нет и посещали его в свободное от бизнеса время. Спутаться с собственным слугой... это дурной тон. Но Глория способна на что угодно. Чего стоит только ее переселение в Черный Лог! Так почему бы ей не воспылать страстью к великану Санте? Это хотя бы забавно. А чем забавляться в забытой богом деревушке?..

Колбин, оставив бумаги в сторону, подошел к окну. Из его кабинета открывался вид на реку, покрытую рыхлым серым льдом. Пора бы уж льду тронуться, освободить черную воду от надоевшего зимнего панциря. Весна в нынешнем году запоздала. Хотелось тепла, а с неба сыпался мокрый снег.

— К вам пришли, Петр Ильич, — сообщила по телефону секретарша. — Вы примете?

— Я готов, — со вздохом согласился Колбин.

Начинался обычный рабочий день...

~ ГЛАВА 2 ~

Может, пойти за ней? Уподобиться ревнивому мужу или неуверенному в себе любовнику? Нарушить установленные им же самим правила? Презреть приличия?

Оленин вскочил, нервно потирая ладони, бросил взгляд на часы и выглянул в приемную. Его молоденькая ассистентка Сима поспешно спрятала зеркальце.

«Опять красится на рабочем месте, — сердито подумал он. — Забыла, что у нас тут не ночная дискотека!»

— Кто следующий по записи?

— Госпожа Правкина, — заливаясь краской смущения, ответила девушка. — Но ее не будет...

— Почему?

— У нее грипп. Она звонила и просила передать вам, что...

— Хорошо.

Оленин закрыл дверь и вернулся в свое кресло. Никуда он не пойдет! Не хватало превратиться в филера и шпионить за собственными пациентами. Что может быть отвратительнее и позорнее?

С этими мыслями он встал, вышел в приемную, молча прошагал мимо застывшей Симы, которая успела накрасить только один глаз и теперь докрашивала второй. От неожиданности ассистентка выронила зеркальце, оно упало на пол и, судя по звуку, разбилось.

– Ой...

– Впредь будьте любезны наносить макияж дома, – не оборачиваясь, процедил Оленин, срывая с вешалки куртку.

– И-извините, Юрий Павлович...

Он так хлопнул дверью, что Симу обдало ветром. Она застыла, как пришитая, потом опомнилась, опустилась на корточки и стала собирать под столом осколки зеркала.

– Ай!..

Она порезалась – на пальце выступила алая капля крови. Девушка машинально сунула палец в рот. Кровь была соленой на вкус, как и ее обида.

Симе хотелось плакать от досады, но она сдерживалась, чтобы не испортить результат своих трудов. Если краска потечет, придется все начинать сначала. Юрий Павлович, не ровен час, опять застанет ее за «нанесением макияжа» и будет ругаться. Чем она его так раздражает? Подумаешь, реснички подмазала... Никого же нет. Никто не видит...

В аптечке закончилась перекись. Сима в свободное время – то бишь пока у Оленина длился сеанс – имела привычку заниматься маникюром. От рассеянности или по неосторожности она могла порезаться и часто пользовалась перекисью, чтобы остановить кровь. Незаметно она израсходовала всю бутылочку.

Сима была влюблена в своего шефа и не скрывала этого. Только он почему-то не поддавался ее чарам. Напротив, подмечал любую оплошность ассистентки и не упускал случая сделать ей замечание. Девушка из сил выбивалась, надеясь угодить доктору. Собственно, красилась - то она именно ради него, а он...

Вместо перекиси Сима обработала ранку йодом и заклеила пластырем. Выметая из-под стола остатки зеркала, она злилась на свою неловкость. Разбитое зеркало – не к добру. Теперь Юрий Павлович точно ее уволит. Она уже четвертая ассистентка, которая продержалась дольше всех. Если доктор ее выгонит, придется искать новую работу. А куда возьмут молодую барышню после медучилища? В обыкновенную город-

скую больницу? Делать уколы и возиться с хворыми? Юрий Павлович хоть и ругается, зато платит по-человечески. Не жмотится. И напрягаться особо не заставляет. Отвечать по телефону, записывать пациентов на прием, вести журнал посещений... разве это трудно? Просто лафа...

Сима, вздыхая от жалости к себе, решила навести порядок в приемной. Полить цветы, вытереть пыль, почистить табличку на двери доктора. Авось тот смягчится и передумает ее выгонять. Кстати, куда это он побежал сломя голову? Ничего не сказал, не предупредил, когда вернется... На него не похоже. Он всегда такой пунктуальный...

Тем временем господин Оленин торопливо шагал по улице, вглядываясь в спины идущих впереди людей. Не мелькнет ли среди них красное пальто и пестрая шаль? Пациентка неоднократно говорила, что любит ходить пешком. Это ее успокаивает. Наблюдая за ней из окна приемной, он ни разу не заметил, чтобы она садилась в машину. Общественный транспорт тоже не для нее. Она жаловалась на приступы удушья в метро и маршрутках. По-видимому, дама живет где-то неподалеку, если добирается на сеансы своим ходом. Жаль, он не знает ее адреса.

Впрочем, он сам позаботился о полной анонимности и конфиденциальности для своих пациентов. Преимущественно к нему обращались состоятельные женщины, — так уж повелось. Им импонировала непринужденная, располагающая к отдыху атмосфера его офиса и то, что он не требовал никаких документов, не обязывал называть фамилию, адрес и место работы. Плату за сеансы Оленин установил довольно высокую и поднимал ее ежегодно. Он не боялся остаться без практики. Постепенно его клиентура уменьшилась, зато значительно выросла цена на его услуги. Одно уравновешивало другое. Оленин не любил много работать — он предпочитал качество количеству. Предлагая новые методы лечения без применения лекарств, он приобрел репутацию «доктора для богатых» и снискал популярность в кругах

толстосумов. Лечиться у Оленина стало модным. К нему зачастую обращались не столько по необходимости, сколько из интереса и подражания. Чтобы потом посплетничать на скучных тусовках и обменяться впечатлениями в женских клубах. Нервные истеричные дамочки, развращенные роскошью и ленью жены нуворишей, избалованные любовницы бизнесменов, измученные конкуренцией жертвы шоу-бизнеса составляли его контингент.

Впереди мелькнуло красное пальто, и Оленин устремился вперед. Прохожие опасливо оглядывались.

— Осторожнее, мужчина... — недовольно протянула ему вслед увядшая красавица на высоченных каблуках.

Кажется, он ее толкнул. Она чудом удержалась на ногах. Еще бы! Из нее уже песок сыплется, а она шпильки надевает.

— Простите... — на ходу бросил Оленин.

Красное пальто свернуло в проулок, и доктор приотстал. Чтобы не выдать себя, он вынужден был пропустить вперед несколько человек. Выждав пару минут, он ринулся в проулок. Сюда едва проникал бледный свет, серые стены домов отсырели, повсюду лежал твердый грязный снег. Уныло. Веет безысходностью.

Где же красное пальто? Доктор растерянно оглядывался. Никого похожего на даму, которую он ищет...

Оленин покружил по окрестным дворам, махнул рукой и вышел на соседнюю улицу. Снежная пыль летела ему в лицо. Второпях он забыл надеть головной убор, и его волосы намокли.

— О, черт...

Выругавшись, доктор зашагал в обратную сторону. По дороге к офису он предавался тревожным мыслям. Невольно вспомнилось, как дама в красном пальто первый раз явилась к нему на сеанс. Без предварительной записи, без консультации. Просто ворвалась в приемную, упала в кресло и потребовала кофе по-венски со сливками и сахаром.

У Симы дрожали руки, когда она подавала посетительнице маленькую керамическую чашечку с дымящимся напитком.

«Сливок у нас нет...» — проямлила ассистентка.

«Безобразие!» — то ли шутя, то ли всерьез возмутилась дама.

У Оленина как раз образовалось «окно». Постоянная пациентка укатила в Европу на воды, и он развлекался тем, что перелистывал Фрейда. Никогда не помещает освежить в памяти рекомендации такого светила, как основатель психоанализа.

Разумеется, он отложил Фрейда ради Айгюль, как назвалась незнакомка. Практика не менее важна, чем теория.

Это была красивая женщина с выраженными восточными чертами — жгучая брюнетка, длинноволосая и черноглазая, с нежным румянцем и яркими губами цвета зерен граната. Ее желтое платье тесно облегло фигуру, подчеркивая тонкую талию и высокую грудь. На шее блестело широкое ожерелье из яшмы. Она будто сошла с персидских миниатюр и волшебным образом перенеслась в хмурую холодную Москву.

У Оленина перехватило дыхание, когда он увидел такое чудо. Но он быстро преодолел оцепенение и произнес, прочистив горло:

— Прошу, располагайтесь... Кресло или кушетка? Что для вас удобнее?

Она, поколебавшись, выбрала кушетку и грациозным движением опустилась на нее.

— Вы знаете мои расценки? — осведомился он, ощущая сухость во рту.

Странно, что в тот момент ничего другого не пришло ему на ум.

— Конечно, знаю, — улыбнулась она. — У меня есть деньги.

На вид ей можно было дать не больше двадцати пяти. Она потупилась, разглядывая пушистый ковер на полу. У Оленина вылетели из головы все обычные фразы, заготовленные для первого посещения. В кабинете повисло молчание. Обычно девушки, которым за двадцать, казались ему неинтересными. Он обожал юность, дыхание и краски весны. Рассвет, а не полдень, вдохновляли его. Бутон, а не распутившаяся роза будили

его кровь. Так проще было отбросить неумолимость времени и забыть о мимолетности жизни. Оленин любил весну во всех ее проявлениях.

— Как вас зовут? — спросил он незнакомку, которую мысленно окрестил пери*.

Правда, у нее за спиной не было крыльев. Но доктор и не видел в ней падшего ангела — скорее дивную престлестницу. Не существует безгрешных женщин, в этом он убедился на опыте. За тонкой оболочкой *личности*, представляемой человеком в социуме, — будь то мужчина, дама или невинная девица, — клокочет бездна, полная гурий и чудовищ. И если первые охотно показываются на свет, то последние обитают на самом дне. Однако и те, и другие существуют.

Невинности не бывает даже в мыслях. А образ, который показывает нам сия бездна, — всего лишь один из бесчисленных ее ликов, приемлемых для данного случая.

Возможно, профессия сыграла злую шутку с Олениным. В каждой юной девушке, потенциальной возлюбленной, он видел ее «темную сторону», которая отпугивала его. Он легко раскладывал по полочкам будущую жизнь с прекрасной феей — не сомневаясь, что за этой маской неизменно скрывается сварливая ведьма, — и не строил иллюзий по поводу брака.

Не удивительно, что он не был женат и не собирался обременять себя семейными узами в будущем. Совместное проживание со своей избранницей в любви и согласии казалось ему утопией. Его связи длились не более полугода, и это уже считалось долгим сроком.

Едва сблизившись с какой-нибудь смазливой девицей, он тут же начинал подвергать ее внутренний мир придирчивому анализу, который не оставлял камня на камне от усердно создаваемого образа, которым юная леди пыталась заманить доктора в свои сети.

---

* Пери — в иранской мифологии падший ангел, временно изгнанный из рая, приставленный охранять людей от демонов. Принимал образ крылатой женщины. Второе значение — женщина чарующей красоты.

Порой ему самому становилось тошно от своей пронизательности, однако куда же от этого денешься?

— Айгюль... — вымолвила черноволосая пери, напомним доктору о его обязанностях.

Оленин, задумавшись, забыл, о чем ее спрашивал. Не подвергает ли она его скрытому гипнозу? Он спохватился и вежливо кивнул.

— Меня зовут Айгюль, — повторила она, заметив замешательство доктора. — А вас?

— Юрий Павлович...

— Очень приятно.

Почему-то он сразу ощутил исходящую от нее угрозу. Но не подал виду. Хорош врач, который боится своих пациентов! До сих пор Оленину не приходилось испытывать страха. Айгюль... вряд ли это ее настоящее имя.

«По глазам видно — авантюристка, — подумал он. — Что ей нужно? Готов поклясться, отнюдь не сеанс психоанализа...»

— Вы мне поможете? — спросила она.

— Это моя задача: помочь вам уладить вашу проблему. Ведь у вас есть проблема, не так ли?

Айгюль, поразмыслив, кивнула.

— В чем же она заключается?

— У меня что-то не в порядке с нервами, — ответила она. — Это и привело меня к вам. О вас отзываются как о лучшем специалисте в области... психиатрии.

— Психиатрия — не мой профиль. Я помогаю людям справиться с некоторыми навязчивыми состояниями, различными неврозами и...

— Значит, я обратилась не по адресу? — вздохнула она, старательно изображая огорчение.

Оленин был достаточно опытен, чтобы отличить притворство от истинных эмоций, присущих данному типу личности. Впрочем, он пока что не определил, к какому именно типу можно отнести Айгюль. Его пронизательность наткнулась на плотный занавес, которым она отгородилась от доктора. Ну, не беда. На то он и профессионал, чтобы уметь открывать занавесы.

Оленин исподволь, незаметно изучал молодую женщину, — как та реагирует на его реплики, жестикулирует, куда смотрит, от чего краснеет или бледнеет. Она была напряжена и сосредоточена.

— Сначала я должен услышать, что вас беспокоит... — небрежно обронил он.

С такими, как эта Айгюль, нельзя сюсюкать и проявлять благодушие. Вмиг перехватят инициативу... и пиши пропало. Не врач будет контролировать ситуацию, а пациент. Такие «сеансы» — коту под хвост.

— Меня преследуют странные мысли, — сказала она, поправляя смоляной локон.

Ее волосы, перехваченные сзади заколкой, свободно вились на лбу и висках, пышно обрамляя лицо; грудь взволнованно вздымалась. Если отбросить современную одежду, посетительница напоминала Оленину принцессу из арабских сказок.

— Какие мысли?

— Самые причудливые...

— Например? — с мягкой настойчивостью спросил он.

— Вы требуете подробностей?

— Я должен уяснить природу явления, которое вас беспокоит.

— Ах, да... да! Избавьте меня от этого наваждения! — с неожиданной горячностью вымолвила она.

— Сначала обрисуйте проблему.

— Что ж... извольте. В общих чертах... это похоже на эротические фантазии... весьма щекотливого свойства...

Оленин, который привык выслушивать любые исповеди и признания, ощутил, как кровь бросилась ему в голову. Неужели он смущен?

Пациентка опустила длинные ресницы, довольная произведенным эффектом. В ее словах, во всем ее облике и поведении сквозила едва уловимая фальшь. Соблазнять она его явилась, что ли? В его практике всякое случалось, и такое тоже. Пожалуй, впервые Оленин почувствовал себя неуверенно. Он тщетно силился понять, чем эта Айгюль задевает его?

При ее несомненной красоте и выраженной сексуальности она не отвечала вкусам доктора. Во-первых, он предпочитал девушек не старше двадцати. Во-вторых, он терпеть не мог брюнеток, тем более жгуче-черных. В-третьих, ему нравились хрупкие угловатые формы, худоба, а не вульгарные округлости груди и бедер.

У себя в спальне он повесил заказную копию «Иды Рубинштейн», скандального позднего полотна Серова*. Эта картина отражала его эстетический идеал женщины.

— Вы заставите меня рассказывать? — залилась краской дама.

Оленин словно проваливался в беспмятство, не отслеживая, на сколько времени он выпадал из разговора. Очнувшись, он вынужден был улыбаться и делать вид, что все в порядке. Просто он отвлекся на секунду.

Ничего подобного раньше с ним не случилось...

— Простите... но это необходимость, а не моя прихоть, — рассеянно пробормотал доктор. — Необходимость... обусловленная лечебным процессом...

— Необходимость! — с затаенным сарказмом повторила пациентка. — Вы правы, Юрий Павлович. Тогда слушайте. Вы готовы?

— Разумеется...

Он избегал ее взгляда, надев на себя личину невозмутимого аналитика.

— Я расскажу вам о Зобеиде...

— О ком?

— Зобеида! Страстная и вечно неудовлетворенная жена восточного владыки...

«Все-таки Восток...» — успел подумать Оленин, погружаясь в пучину мрачных эротических грез, навеваемых словами пациентки...

---

* Серов В.А. (1865–1911) — российский живописец и график. Последние его работы, особенно портрет известной актрисы и танцовщицы Иды Рубинштейн, вызывали резкую критику и даже травлю художника.

~ ГЛАВА 3 ~

Черный Лог

Глория целые дни проводила в мастерской в цокольном этаже — так Агафон, покойный хозяин дома, называл свой кабинет: место, где занимался то ли опытами, то ли колдовскими ритуалами, то ли каббалой. Она оставила попытки разобраться в его записях или хотя бы упорядочить его бумаги. Карлик зашифровал рукописные тексты и стер информацию с винчестера. Компьютер достался новой обладательнице готовым к использованию, но девственно чистым.

Выходит, Агафон знал время своей смерти и подготовился к ней*. Вырвав Глорию из рук похитителей, он фактически спас ее... дабы ввергнуть в очередное испытание. Теперь она ежедневно, ежечасно сдает экзамен, — неплохо бы сообразить, кому и по каким предметам. Колдовство? Ясновидение? Чернокнижие? Заклинание духов?

Книг Агафон собрал великое множество — редкие раритетные издания соседствовали в его библиотеке с

---

* Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

обычными фолиантами, тонкими потрепанными брошюрками и написанными от руки трактатами на чужеземных языках. Глория учила в школе английский, как все, и в медицинском институте увлекалась латынью. Но для чтения рукописей этого не хватало. Она брала только книги на русском, однако одолела малую толику.

От скуки Глория бродила из комнаты в комнату, пытаясь понять карлика посредством окружающих его при жизни вещей. Любое жилище, любой предмет обихода несет на себе отпечаток владельца, говорит о нем языком символов, источает его флюиды.

В мастерской бывший хозяин держал разные предметы непонятного назначения. Глория не осмеливалась ни убрать какую-нибудь наводившую жуть штуковину вроде бронзового адского пса Цербера, ни добавить что-то по своему вкусу. Ей досталось наследство, которому она не могла найти применения.

В завещании карлик отписал дом со всем его содержанием своему слуге Санте, однако предвидел, что приобретет его не кто иной, как Глория. Он оставил ей письмо, в котором объяснялся в любви...

Глория спрятала это «послание с того света» и запретила себе прикасаться к нему и вспоминать о нем. Однако запрет почему-то действовал с точностью до наоборот. Ее мысли возвращались к письму Агафона чаще и чаще. Должно быть, она искала там ответы на свои невысказанные вопросы. Искала разгадку собственной души...

Здесь, в мастерской, уродливый человечек с безобразным туловищем и лицом греческого бога испустил дух, держа за руку Глорию... и с последним дыханием передал ей свой непостижимый и ужасный дар.

Она до сих пор сомневалась, произошло это на самом деле или она попала в ловушку воображения... поддавалась магнетизму умирающего, который не только не ослабевал с течением времени, но, напротив, крепчал и усиливался. Глория оказалась в зоне притяжения карлика и не могла вырваться. А главное — уже не хотела.

Однажды она сбежала отсюда, чтобы вернуться. И теперь этот странный дом, наполненный удивительными

вещами, привнес в смысл ее существования острые и пряные ноты, без которых она не представляла себя.

Карлик как будто присутствовал рядом, опекал ее, оберегал от просчетов и ошибок, наставлял и развлекал. То, что он умер, перестало пугать Глорию. Постепенно она привыкала к мысли, что унаследовала не только его слугу и жилище, но и род его занятий. Шаг за шагом она открывала в себе новые качества, необъяснимые с точки зрения логики, но близкие ей по духу.

Ее посещали смутные видения, которые она не всегда умела правильно истолковать.

Ее сны стали более осмысленными. То есть во сне Глория понимала, что это сон, который не менее реален, чем бодрствование.

Она поймала себя на том, что беседует с *пустотой*. И неуловимая суть этих бесед составляла некий безмолвный источник информации, о котором она раньше не подозревала.

На столе в мастерской стояла картина «Встреча Соломона и царицы Савской». В склоненной даме со лбом мадонны Глория пыталась разгадать собственную тайну. Агафон ни разу не обмолвился, какой скрытый смысл вкладывал он в образы царя Соломона и царицы Савской. Он любил поговорить о них, но все как-то вскользь, вокруг да около...

Картина свалилась со стены в момент смерти карлика, рама разбилась... и Глория не стала возвращать полотно на место. В этом она усматривала намек... словно с уходом Агафона что-то закончилось и никогда уже не будет прежним.

Семь медных кувшинов на постаментах в виде колонн посреди мастерской будоражили ее воображение. Должно быть, карлик пошутил, что заключил туда *джиннов*. Любопытство боролось в Глории со страхом. А вдруг она «выпустит *джинна* из бутылки» и потеряет контроль над ним? Что тогда делать? Мало ли что может натворить своенравное бесплотное существо, созданное из огня? Как потом загнать его обратно?

Подобные размышления казались Глории безумными, и она с ужасом прислушивалась к себе... не зреет ли

в ее мозгу коварная болезнь? Симптомы, которые она помнила из курса психиатрии, приходили на ум один за другим, и почти каждый она находила у себя.

«Безумие заразно, — повторял на своих лекциях старичок-профессор. — Общаясь изо дня в день с безумцами, вы рискуете подхватить от них вирус душевного недуга...»

Будучи студенткой, Глория вместе с остальными посмеивалась над профессором. Однако сейчас его слова обрели иное звучание и перестали казаться проявлением старческого маразма.

— С кем поведешься, от того и наберешься... — бормотала она. — Неужели я заразилась от Агафона его безумием? Меня преследуют зрительные и слуховые галлюцинации, которые я принимаю за... некое новое состояние?

Она ходила вокруг кувшинов, как кот вокруг сметаны. Очень хотелось знать, что там, внутри. На каждом кувшине красовалась эмалевая вставка. Узкие горлышки были закрыты крышками и залиты сургучом. На сургуче кто-то оттиснул печать. Глории не удавалось разобрать, что изображено на печати. Какие-то закорючки...

Она перерыла все ящики в столе Агафона в надежде обнаружить «инструкцию» по обращению с кувшинами. Увы, карлик не оставил ей подробных указаний. Подразумевалось, что он передал ей свою *колдовскую силу* вкупе со всеми необходимыми знаниями.

— Бред... — вымолвила Глория. — Я понятия не имею, как вести себя с ними...

Она говорила о *джиннах* как о людях, и это рассмешило ее.

— Он издевается надо мной, — сказала она, думая о карлике. — А я поддаюсь на его уловки.

В дверь мастерской постучали, и на пороге появился Санта в неизменном спортивном костюме.

— Обед подавать? — лаконично осведомился он.

— Агафон когда-нибудь пользовался этими кувшинами? — спросила Глория.

— Не знаю...

— Откуда они появились?

— Они уже были здесь, когда хозяин взял меня в дом, — объяснил великан. — А что?

— Ничего, иди...

— Уже полдень, — заявил Санта. — Пора обедать.

Слуга свято соблюдал традиции, заведенные Агафом. Глория не стала спорить. За обедом она продолжала размышлять о кувшинах.

«Это же Сулейманова печать!» — осенило ее.

— Санта, принеси мне из библиотеки сказки «Тысяча и одна ночь».

Великан послушно отправился на второй этаж. Прошло несколько минут, пока он искал книгу на полках. Вернулся Санта довольный, неся в руках старое издание сказок.

Глория схватила толстенную растрепанную книгу и принялась листать. Ага, вот... бедный рыбак из Аравии... много раз вытягивал сети пустыми...

Это была история о том, как рыбак выловил медный кувшин, запечатанный свинцом. На свинце «великий волшебник, царь Сулейман ибн Дауд, вырезал тайное и страшное девяносто девятое имя Аллаха... которое давало ему власть над птицами, ветрами и злыми духами — джиннами...»

— Дело тут не в пробке... — пробормотала она, лихорадочно пытаюсь поймать ускользающую мысль. — Не в пробке... Сулейман ибн Дауд... это же... Соломон, сын Давида!..

* * *

Москва

Последняя пациентка покинула кабинет Оленина в девять вечера.

Закончив прием, он устало потянулся и позвал Симу.

— Тебя подвезти?

— Если вас не затруднит... — робко кивнула она, помня о разбитом зеркальце.

Интересно, существует ли способ обезвреживания плохих примет?

— Сегодня тебе пришлось задержаться допоздна, — сказал доктор. — Я за тебя отвечаю. Не люблю эти длинные подземные переходы после часа пик. Там болтается всякая шпана.

Она поблагодарила, пряча радостную улыбку, и пошла собираться.

В машине Юрий Павлович молчал. Он будто забыл дневной инцидент с макияжем и не прочитал Симе обычную нотацию. Она сама понимала, что краситься нужно дома, а не на работе. Но времени катастрофически не хватало. Она хотела поступать в медицинский, по вечерам готовилась к экзаменам, а утром не могла себя заставить встать. А ведь когда-то же и погулять нужно, и отдохнуть. Поэтому Сима наверстывала упущенное в приемной господина Оленина. Выкручивалась как могла.

По утрам доктор приходил тютелька в тютельку — видно, сам был не прочь поспать. Естественно, он торопился и не обращал на ассистентку внимания. Зато пока длился первый сеанс, Сима успевала привести себя в порядок и представала перед шефом во всеоружии своей красоты.

Раньше ей это сходило с рук. Но в последнее время Оленин будто с цепи сорвался. Стал раздражительным, нервным и придиричивым. Ему самому не помешал бы сеанс психоанализа.

— Что притихла? — сердито спросил он, будто читая ее мысли. — Дуешься?

И поскольку девушка не нашлась что ответить, назидательно произнес:

— Обижаться вредно, дорогуша.

— Я не обижаюсь... — соврала Сима.

С утра сыпал мелкий, как белая пыль, снег. Дорога была скользкой, и Оленин сбавил скорость. Сегодня у него выдался напряженный день. Особенно изматывали его сеансы с Айгюль. После ее ухода хотелось выпить. Он не держал в офисе спиртного и не мог дожидаться, когда доберется домой и позволит себе расслабиться.

Интересно, куда она исчезает, повернув в чертов проулок? Прячется в одном из подъездов? Или живет в

тех домах? Некоторые улицы Москвы, где еще сохранился дух старины, обладали собственной неповторимой аурой и существовали как бы в нескольких измерениях. Там тени прошлого обретали видимость и плотность, а время текло по особым законам. Оленину всегда казалось, что не только психика людей пронизана сетью темных лабиринтов, но и большие города с многовековой историей живут двойной жизнью. И, скользнув в какую-нибудь сумрачную подворотню, можно очутиться в другой Москве...

Он увлекся и проехал на красный.

— Ой! — испугалась Сима.

Она не знала правил дорожного движения, но сообразила, что доктор их нарушил, по сигналам других водителей.

Оленин выругался, оглядываясь, нет ли поблизости вездесущих гаишников. Если попал в обзор видеокамеры, штрафа не избежать. Проклятие!

— Все в порядке, — успокоил он ассистентку, которая приготовилась к худшему. — Мы почти приехали.

Он высадил Симу у ее дома на Маросейке со словами:

— Позвони, чтобы тебя встретили...

— Зачем?

— На всякий случай. Темно уже, поздно.

— У нас во дворе фонари...

Оленину сегодня все не нравилось — собственная рассеянность, наивное бесстрашие Симы, угрюмые ночные улицы, твердые пласты снега вместо весенней зеленой травки. Какой же это апрель, если до сих пор приходится надевать теплую куртку?

Он старался быть внимательным и следить за светфорами. Это Айгюль выбивает его из колеи. Может, отказать от сеансов и вернуть ей деньги?

Насмешливое смуглое лицо Айгюль с раскосыми глазами предстало перед ним так явственно, что он заезжался и пропустил зеленый. Ему опять сигналили возмущенные водители. Он застопорил движение на полосе и затылком ощущал гневные взгляды и несущуюся в его адрес отборную брань.

Оленин жил на Красносельской. У него не было гаража, и приходилось оставлять машину во дворе под

окнами, так, чтобы видеть ее из кухни. Этим вечером привычное место оказалось занятым.

— Что ж за день такой...

Ворча, доктор припарковался впритык к ржавому «Жигулю», который давно пора было сдать на металлолом, и красной иномарке. Не хватало только поцарапать чужой автомобиль...

У подъезда к Оленину подошли двое парней в одинаковых черных шапочках, надвинутых на глаза, и попросили закурить. Доктор мгновенно представил, что сейчас начнется: его свалят на землю и будут бить ногами, пока он не отключится... а потом обчистят карманы и убегут.

— Я не курю, ребята, — вежливо ответил он, оглядываясь по сторонам.

Как назло, во дворе не было ни души. Никто не выгуливал собачек, ни одна парочка не целовалась на грязных после зимы скамейках. Черт...

— Здоровье бережешь? — усмехнулся один из парней, дохнул пивом и смачно сплюнул. — Ну, береги, береги...

Они повернулись и, вопреки ожиданиям доктора, вразвалку зашагали прочь.

Оленин с облегчением приложил брелок к кодовому замку. Железная дверь подъезда открылась, и он нырнул в темноту. «Опять лампочка перегорела», — подумал доктор, и тут на его голову обрушился удар. Не слишком сильный... он даже не потерял сознание. Лежа на холодном полу, он пытался рассмотреть напавшего. В темноте было слышно громкое сопение.

— Ты че творишь, сучий сын? — выкрикнул мужской голос. — Че творишь?! Думаешь, тебе все позволено?

— Вы... кто? — выдал Оленин и получил в ответ град ударов в бока и спину.

Он скорчился, закрывая руками голову. Мысль о том, что ему отобьют почки и сделают инвалидом, привела доктора в отчаяние.

— Х... в пальто! — грубо прохрипел голос. — Я по твою поганую душу!

— Что вам... надо? Денег? Возьмите портмоне... в кармане...

– Пошел ты со своими деньгами...

Несколько новых ударов отбили у Оленина охоту говорить. Зато агрессор, наоборот, осыпал доктора ругательствами и оскорблениями. Он не намеревался грабить свою жертву.

– Я тебя убью, падла... – хрипел голос. – Убью! Но не сразу! Хочу, чтобы ты помучился... Зверюга! Есть же такие ублюдки...

– Вы... меня... с кем-то пугаете...

Невидимый враг раскатисто захохотал, наградив Оленина сильным пинком в поясницу.

– Ты сдохнешь, тварь! – злобно процедил он. – Сдохнешь, как собака! Клянусь...

Оленин не сомневался, что неизвестный способен выполнить свое обещание. Он не убивал доктора только потому, что решил растянуть удовольствие.

– Побежишь в ментовку – тебе кранты! – предупредил его из темноты голос. – А так, может... протянешь еще месяц-другой...

Он издевался над Олениным, чувствуя свое превосходство и полную власть над поверженным противником. В заключение невидимка нанес ботинком удар доктору в лицо, и хотя тот успел закрыться руками, рассек ему бровь. Теплая кровь потекла по затоптанным плиткам парадного.

– Я не прощаюсь... – зловеще бросил голос. – Жди меня, сука! Жди и бойся...

До Оленина донесся лязг двери, и он провалился в беспамятство. Придя в себя, доктор со стоном приподнялся. Ничего, кажется, не сломано... и голова цела. Пульсирующая боль пронизывала мозг, все тело ныло. Однако могло быть и хуже...

Оленин с трудом сел, отдышался и прикинул, есть ли у него шансы самостоятельно добраться на третий этаж. Дом будто вымер. Так что помощи ждать не от кого. Он вспомнил о мобильнике и, преодолевая боль, полез в карман. Телефон оказался разбитым.

«Куда ты собираешься звонить? – спросил он себя. – Кому? Друзей, которые бы могли постоять за тебя, ты давно растерял... а новых не приобрел. Заявлять

в полицию бессмысленно... Ты же ничего не видел, понятия не имеешь — ни кто тебя избил, ни за какие грехи ты наказан...»

Оленин, несмотря на свою известность, был, по сути, довольно одинок. Поглощенный работой, врачебной карьерой, он перестал поддерживать связь со всеми, кто раньше окружал его. Женой не обзавелся. Родители жили на другом конце города, видаться с ними удавалось редко. Они сами нуждались в его помощи.

Менее удачливые однокурсники завидовали ученым званиям Оленина, заграничным дипломам и успешной частной практике. Мало кто устроился, подобно ему, — можно сказать, никто.

Пожалуй, впервые Оленин посетовал на одиночество. До сих пор он наслаждался своей свободой от всех и всяческих обязательств, в том числе и дружеских.

С трудом поднявшись на ноги, он, хромая, нажал кнопку вызова лифта.

«Побежишь в ментовку — тебе кранты!» — вспыхнуло в его уме. Почему-то не вызывало сомнений, что невидимка не шутил.

«Что я ему сделал? — размышлял доктор. — Чего ему от меня надо? Если не денег, то...»

Лифт остановился на третьем этаже, и Оленин, шатаясь, добрал до двери своей квартиры. Зеркало в прихожей отразило его изуродованное ссадинами, вымазанное кровью лицо. Бровь вспухла, кровоточила. Глаза заплыли.

— Господи... — ужаснулся доктор. — Ну и отделал же он меня...

~ ГЛАВА 4 ~

Черный Лог

Утром пустился дождь со снегом. В низинах лежал молочный туман. Лавров ехал по проселку на служебном джипе, проклиная погоду и каприз Глории, который загнал ее в этакую Тьмутаракань.

Хмурый Санта открыл ему ворота и впустил во двор. Все было голо, серо и мрачно. С крыши дома, монотонно журча, бежала грязная вода. Из трубы клубился дым.

– С тоски помрешь... – буркнул начальник охраны, вытирая ноги о посланный слугой половичок у входа.

Глория сидела в зале, грелась у растопленного каминна. Она становилась все краше с каждым разом, все желаннее и... все холоднее. Увидев Лаврова, она даже не улыбнулась.

– Не ждала?

– Нет, – покачала она головой. – Что-то случилось?

– Просто захотелось тебя увидеть.

– А...

Она была одета в длинное пестрое платье, скрывающее фигуру. В ее серых с прозеленью глазах отражались языки пламени. Темные волосы Глория по-домашнему собрала в пучок на затылке.

– Колбин дал мне отгул, – похвастался Лавров.

Она молча кивнула, продолжая смотреть на огонь.

– Ты не в духе? – упавшим голосом спросил он. – Или я некстати приехал?

– Как там в Москве? Мокро? Скользко?

Когда не о чем говорить, начинают обсуждать погоду. Лаврова передернуло. Неужели ей не скучно жить здесь одной, на краю леса, среди заброшенных деревенских изб? Неужели не страшно? Чертов карлик, бывший хозяин дома, приворожил ее, околдовал.

– Может, прислать тебе охранника? – предложил он.

– Зачем? – неподдельно удивилась она. – Санты вполне хватает. Давай сыграем партию?

Она кликнула слугу, и тот принес столик, доску и коробку с шахматами. Фигуры, выточенные из кости, были сделаны в виде людей и животных. Король, похожий на султана, и ферзь-султанша, всадники в чалмах, боевые слоны.

– Раньше я у тебя таких не видел...

– Это шахматы Агафона.

«Когда я была его пленницей, мы частенько развлекались игрой в шахматы, – чуть не сболтнула Глория и подумала: – Должно быть, он до сих пор удерживает меня в своем плену...»

Лавров плохо играл, но не посмел отказаться. То, что шахматы принадлежали карлику, неприятно поразило его. Впрочем, это же его жилище... наполненное его вещами. Ничего удивительного.

– Я выбираю черные, – сказала Глория.

Каждая ее фраза, казалось, несла зловещий подтекст. Или Лавров слишком болезненно реагировал на происходящие в ней перемены.

Он кивнул и принялся расставлять фигуры на доске.

Великан, умевший при своем росте и габаритах двигаться бесшумно, скользнул в каминный зал с подносом, на котором стояли кофейник, две чашечки и сахарница.

Партия не задалась с самого начала. Глория играла рассеянно, но это не спасло гостя от мата на десятом ходу.

– Ты поддаешься! – засмеялась она.

– Нет, клянусь...

– Что с тобой происходит?

– Со мной? Скорее с тобой не все ладно, – возразил Лавров. – Ты уединилась, ведешь жизнь отшельника...

– Отшельницы, – охотно подтвердила она. – И страшно довольна. В уединении есть своя прелесть.

Начальник охраны демонстративно обвел глазами каминный зал. Вишневые шторы, бархатная мебель, розовый хрусталь люстр, гобелены на стенах.

– Хотя... вряд ли ты здесь одна...

– Имеешь в виду Санту?

– Нет, конечно. Слуги не считаются.

– Санта не слуга... он мой друг. Ему нравится помогать мне.

– Но ведь ты платишь ему?

– Я даю ему деньги на хозяйство и на личные расходы, – сказала Глория. – Он неприхотлив.

Лавров злился, сам не понимая, что его так бесит. В этом доме за ним как будто наблюдали из каждого угла, пристально следили за каждым его шагом. Подслушивали каждое слово.

– Он мужчина, – заметил начальник охраны. – Еще не старый... просто седой. Вы живете под одной крышей...

– Санта ночует во флигеле.

– Да знаю я, знаю...

– На что ты намекаешь? – удивилась Глория. – Думаешь, я и Санта?..

Она захохотала, откидывая голову и блестя зубами. Лавров обиженно уставился на доску с застывшим на белых и черных клеточках отпечатком своего поражения. Ему поставили мат... не только в шахматной партии, но и в жизни. Ревновать к Санте глупо... Если быть до конца честным, он ревновал Глорию не к седовласому увальню, а к тени покойного Агафона. Санта казался ему продолжением карлика, его наместником. Как будто колдун наделил слугу некими тайными полномочиями, которые тот неукоснительно исполняет. Глория – наивная дурочка! Попалась в расставленные се-

ти, заглотнула наживку, и теперь Агафон и Санта дергают за ниточки, а она пляшет под их дудку...

Он бы зашел в своих рассуждениях еще дальше, если бы Санта не объявил об обеде. Подражая вышколенному английскому дворецкому, слуга замер на пороге зала, выпятил грудь и зычно произнес: «Кушать подано!»

— Фу ты... испугал, — всплеснула руками Глория. — Что у тебя там подано? Огласи, пожалуйста, меню.

— Бульон... пирожки с грибами, отбивные и картошка. На десерт — фрукты и сыр.

Вчера Санта делал вылазку в ближайший районный центр и пополнил запас продуктов. Мясо, молоко и овощи он покупал у местных жителей, а все остальное привозил из магазинов. Особенно великан налегал на фрукты. Так было заведено у них с Агафоном.

Лавров отдал должное стряпне Санты. Готовил тот превосходно.

— Ему бы поваром работать, — пробурчал гость, уписывая румяные пирожки.

— Я ему предлагала. Он и слышать не хочет, — довольно улыбалась Глория. — Ему нравится для меня стряпать.

За десертом Лавров спросил:

— Значит, по ночам ты остаешься в доме одна? Не страшно?

— Чего мне бояться? Грабители сюда не сунутся. Глухомань...

— А как же призраки? Неужто бывший хозяин тебя не навещает?

Она молча жевала дольку апельсина. Было слышно, как потрескивают поленья в камине, заботливо подброшенные Сантой.

— Спроси еще, не приходит ли ко мне покойный муж?

Лавров пожалел, что заговорил о призраках. Глории это пришлось не по вкусу. Меньше всего он стремился огорчить ее.

— Ладно, прости... — покаялся он. — Я не хотел. Вырвалось.

— Ты умеешь толковать сны?

– Попробую...

Он готов был любым способом загладить вину. Черт его за язык дернул!

– Мне с детства снится одно и то же, – заговорила она. – Дворец, длинная анфилада комнат, тысячи горящих свечей... распахнутые окна в сад... и странные люди, кто в рубище, кто в богатых одеждах... странные существа с крыльями... звери и всадники... рыцари, прекрасные дамы. Они гуляют по саду... танцуют или беседуют... Нищий может пригласить на танец царицу, а священник – прогуливаться с обнаженной красавицей...

Лавров поперхнулся и отложил в сторону недоеденное яблоко.

– Священник и голая женщина? Интересно...

– Что это значит, по-твоему?

Когда-то Глория поведала свои повторяющиеся сны Агафону, и тот сказал, что со временем ей откроется смысл ночных видений. Время это пока не наступило. И она испытывала потребность поделиться содержанием снов еще с кем-то. Ближе Лаврова у нее никого не было.

– Скоро год, как ты овдовела, – поразмыслив, заявил он. – Вероятно, тебе нужен мужчина. Чтобы он согрел твою постель и твое сердце. Эти сны – твои эротические фантазии...

– Если ты обратил внимание, сны приходят ко мне с детства! – напомнила Глория.

– А что, детям не снится эротика?

Она вздохнула и потянулась к кофейнику. Глоток холодного кофе с лимоном привел ее в чувство. Не то Лавров услышал бы в свой адрес много нелестного.

– Расскажи подробнее, – попросил он. – Я читал, что образы в снах навеяны подсознанием. Тебе не хватает элементарного!

– Уж не секса ли? – усмехнулась она. – Хочешь предложить себя в любовники?

– Зачем же так прямолинейно, в лоб? – поморщился Лавров.

– А чего вилять?

У него пересохло в горле. Предложить себя в любовники? Почему бы нет?.. С одной стороны — он только об этом и мечтал. С другой — выходит, он сам напросился. Каково это — быть любовником Глории? От сладких мыслей закружилась голова...

Лавров завидовал ее мужу, когда тот был жив, и перестал завидовать, когда тот погиб, разбился на своем крутом «мерсе». Каждому — свое. Так сложилось, что вдова осталась на его попечении. В бизнесе он мало смыслил и не лез туда. Но безопасность Глории обеспечивал он. Правда, в последнее время она как будто перестала нуждаться в его услугах. Кто мог угрожать ей в лесной глухомани? Разве что перебравшие самогону деревенские мужики вздумают заглянуть на огонек... и то вряд ли. Дом колдуна пользовался дурной славой, и даже деревенские буяны обходили его за версту.

— Ты слушаешь? — донеслось до него.

— А? Да... слушаю. Ты говори...

— Так вот... снится мне пригожий молодой человек... — продолжала Глория.

Начало Лавров пропустил и теперь старался уловить нить ее повествования.

— Стоит он в окружении двух красавиц... одна совершенно нагая, с цветами в распущенных волосах; вторая — с головы до пят укутанная в платье. Бедный парень никак не может выбрать между ними...

— Видишь, я угадал. Это эротика! — ввернул начальник охраны.

— У тебя одно на уме, — прищурилась Глория. — А я серьезно спрашиваю. Ты бы какую выбрал?

Вопрос поставил Лаврова в тупик. Скажи он, что выбрал бы голую женщину... Глория сочтет его сексуально озабоченным. Предпочти он одетую — бог знает, как она это расценит.

Он молчал, потирая затылок.

— Сверху над сей замечательной троицей парит Архангел, — добавила она.

— Архангел? — растерянно повторил Лавров.

— Вижу, ты в затруднении! — хихикнула Глория...

Москва

Сима сидела в приемной доктора Оленина и обзванивала пациентов.

— Юрий Павлович срочно улетел на симпозиум, — важно заявляла она. — Его не будет до конца недели. На какое число перенести ваш сеанс?

Она свято верила, что говорит правду. Именно это сообщил ей Оленин рано утром по телефону. Его голос показался Симе каким-то больным.

«Вы здоровы?» — бестактно брякнула девушка.

«Я плохо спал перед перелетом, — недовольно отозвался доктор. — Голова тяжелая».

«А... куда вы летите?»

Она проклинала себя за любопытство, но ничего не могла с этим поделать. Оленин стал ее кумиром, звездой первой величины на ее небосклоне. Ее увлечение стремительно перерастало в обожание и поклонение. Страсть смешивалась с благоговением и почитанием, которые подогревали ее безрассудную влюбленность в доктора.

«В Европу...» — неохотно ответил тот. Хотя мог бы не отвечать. Он не обязан давать отчет ассистентке.

«Значит, я ему не безразлична! — с замиранием сердца ликовала Сима. — Возьмите меня с собой! Я вам пригожусь! — этот невысказанный крик души она подавила и промямила: — Счастливого пути...»

«Поработай до обеда, предупреди пациентов... и можешь идти домой», — распорядился доктор.

Оставшись одна на телефонах, она могла краситься в свое удовольствие, делать маникюр и пить чай. Но без Оленина макияж, лак для ногтей и новое модное платье в обтяжку показались ей неуместными.

Ах, каким счастьем, каким наслаждением было бы сидеть рядом с доктором в салоне авиалайнера и, потягивая холодный сок, наблюдать в иллюминаторе облака!..

К полудню Сима устала, проголодалась и засобиралась домой. Она всех обзвонила и с чувством выпол-

ненного долга выпорхнула на улицу. Весны не ощущалось. Серое небо, грязный снег на газонах, скользкие тротуары. Сима чуть не упала на своих шпильках. Высокие каблуки она надевала для Оленина, хотя тот, казалось, не замечал стараний девушки.

Симу посещали ревнивые мысли. «Может, он влюблен в какую-нибудь пациентку? — гадала она. — К нему на прием ходят такие красивые и состоятельные дамы, что не каждый мужчина устоит...»

Она почти доковыляла до остановки, когда услышала настойчивые сигналы клаксона. Сигналили ей.

Сима повернулась и увидела черную иномарку. Опустив стекло, водитель высунулся и помахал ей рукой.

— Олег, ты? — обрадовалась девушка. — Куда едешь?

— Садись, подвезу, — предложил парень. — Только быстрее, здесь нельзя парковаться.

Сима не любила метро, и толкаться в троллейбусе ей тоже не нравилось. Она с удовольствием воспользовалась предложением приятеля.

— Ты все хорошеешь, — искренне восхитился Олег, с которым они когда-то жили в одном дворе.

Сима порозовела от удовольствия. Вот если бы Оленин делал ей такие же комплименты!

— Ты машину купил?

— Пока что подержанную. Нравится?

— Угу...

— Скоро на новую заработаю, — похвастался он.

В детстве Сима была «гадким утенком», но к совершеннолетию расцвела, округлилась, длинные тонкие ноги-спички обрели соблазнительную форму, белобрысые кудряшки превратились в пшеничные локоны до плеч. Если бы не веснушки, она считала бы себя неотразимой. Каких только средств она не перепробовала, чтобы вывести ненавистные коричневые пятнышки. Напрасно! Впрочем, парни и без того не обделяли ее своим вниманием. Только Оленин оказался неподдающимся...

Взять хоть бы Олега Карташина. Они жили по соседству, и все детство Сима страдала от его подтрунива-

ний. Олег был постарше, водился с уличной шпаной и не упускал случая подразнить тощую голенастую девушку. Она вздохнула с облегчением, когда Олег с родителями переехал в другой район.

Они как будто вновь познакомились в молодежном клубе, где подруга Симы отмечала день рождения.

«Сима-серафима, ты ли это? — изумленно воскликнул Олег, пристально глядя в ее лицо. — Глазам не верю!»

Олег не отходил от нее весь вечер, приглашал танцевать, угощал дорогими коктейлями, осыпал комплиментами. Потом вызвал такси и подвез девушку до дома. Оказалось, Олег — совладелец клуба «Пони», популярного среди студентов заведения.

«У тебя уже свой бизнес? — польстила ему Сима. — Молодец. А я думала, ты хулиган!»

«Я был хулиганом, — засмеялся Карташин. — Немного баловался рэкетом, чуть не попал в банду, но это в прошлом. Теперь я законопослушный предприниматель. Делаю бабки. Не хочу прозябать, как мои родки. Мать болеет, папаша спился...»

Он много рассказывал о себе — о своих сомнительных похождениях, о ссорах с матерью, о том, как решил начать собственное дело. Сима слушала рассеянно, от выпитого с непривычки кружилась голова, подташнивало.

«Хочешь, возьму тебя официанткой в бар? — напоследок предложил он. — Будешь зарабатывать себе на шмотки и на карманные расходы. Чтобы у мамы не кланчить. У тебя мамаша кто? Училка? Небось живете от зарплаты до зарплаты?»

Олег был прав. Мать Симы неудачно вышла замуж и пожинала плоды своего выбора. Супруг-музыкант оказался бездарным и ленивым, перебивался случайными заработками, любил пофилософствовать и норовил залезть в кошелек жены. Будучи ребенком, Сима этого не замечала, а по мере взросления все сильнее стеснялась отца и не раз советовала матери развестись. Но та терпела, чтобы на старости лет не оставаться одной. Она так и говорила Симе: «Ты выпорхнешь из родительско-

го гнезда и забудешь о матери, а мне что, с ума сходить в четырех стенах?»

На самом деле скорее можно было сойти с ума с таким мужем. Однако Сима не настаивала. Она понимала, что мать имеет право сама решать, как и с кем ей жить.

«Ну что, пойдешь ко мне в бар? — напомнил о себе Олег. — Деньгами не обижу. И вообще... возьму под свое крыло».

«Нет, спасибо, — отказалась Сима. — Я на врача учиться хочу. Буду в университет поступать. Учиться дорого, но я сначала поработаю по своей профессии. Вдруг разочаруюсь в медицине? Надо попробовать!»

С тех пор Олег начал ей звонить, предложил встречаться. Сима не говорила ни да, ни нет. Они изредка танцевали в клубе, потом поклонник провожал ее домой, преподносил скромные презенты — духи, сумочку, бижутерию. Набивался в гости, но Сима не приглашала. Было неловко за убогую квартиру, старую мебель, неряшливого, брюзгливого отца, вечно замотанную мать.

— Ты чего грустная? — спросил Олег, вырубивая на перекресток. — Случилось что-нибудь?

— Нет...

— Может, деньги нужны? Ты говори, не бойся. Я одолжу, сколько требуется.

— Мне зарплаты хватает, — вздохнула Сима.

— Поступать готовишься?

— Не-а...

— Почему? Ты же хотела.

Он нетерпеливо поглядывал на светофор. Видимо, торопился куда-то.

— Платить за учебу много, — сказала Сима, подавляя вспыхнувшее раздражение. — Маме в этом году часы в школе сократили, а отец дома сидит, баклуши бьет.

— Слушай, надо твою проблему решать. Коренным образом.

— Это как, интересно?

— А выходи за меня! — не глядя на девушку, выпалил Олег. — Я сам неуч, зато жена будет образованная.

Бабло на университет я обеспечу. Заживешь по-человечески, Сима-серафима, ангелица ты моя шестикрылая! Согласна?

— Нету такого слова — ангелица...

— Как это — нету? Должно быть. Как же тогда называть ангела женского пола?

Сима насупилась и замолчала. О замужестве она не думала. Вот если бы Оленин ее замуж позвал, тогда...

Карташин добиваться от нее немедленного ответа не стал, сделал вид, что ничего не было.

— Вот ты у знаменитого доктора работаешь, — не выдавая своей обиды, сказал он. — Видишь, какие он деньги гребет. Почесал языком час-другой и в шоколаде. Ходят слухи, бабы от него просто сатанеют. Правда, что ль?

— Юрий Павлович — светило психотерапии. Он... гений. Ты Фрейд читал?

— Это мужик, который все к сексу сводит? Любые проблемы? Слышал!.. Типа девочка подсознательно жаждет совокупиться с отцом, а мальчик — с матерью. Гнусная теория, не находишь?

— Ты просто не понимаешь. Психоанализ... это неисчерпаемый метод. Юрий Павлович открыл совершенно новый аспект, он защитил диссертацию...

Олег сбавил скорость и перестроился в крайний ряд. Кажется, они угодили в пробку. Он со злобной ухмылкой повернулся к Симе.

— По-моему, твой Оленин — обыкновенный жулик, который дурачит пациентов и пудрит им мозги. Рубит капусту! Хорошо устроился. Работенка непыльная, а зелень течет рекой. И все в карманы доктора. Тебе небось крохи переппадают?

— Я только ассистентка...

— Которая по счету? — съязвил Олег. И поскольку девушка молчала, сам ответил: — Четвертая! Угадал?

— Ну и что? Юрий Павлович — профессионал высочайшей квалификации, — горячо вступилась за него Сима. — Естественно, он предъявляет особые требования к сотрудникам. С ним нелегко... зато престижно.

– Престижно! – хмыкнул Карташин. – Он каждую пациентку укладывает к себе в постель? Или через одну? Тебя уже пробовал завалить на кушетку?

– Не мели чепухи. Существует же врачебная этика...

Олег неожиданно захохотал. Сима покраснела и не знала куда себя деть. Не признаваться же, что она бы рада, да Оленин в ее сторону не глядит.

– Ты, часом, не втюрилась в своего врачешку?

– Прекрати...

Сима чуть не плакала. Тогда как в Карташина словно бес вселился.

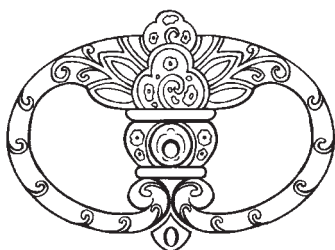
– Ты хотя бы поинтересуйся, что делает Оленин со своими ассистентками! Никогда не задумывалась? Куда они деваются?

– Как это... *деваются*? – похолодела Сима. – Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю... я боюсь за тебя. Знаешь, какие слухи ходят о твоём докторе?

– Никакой он не мой...

Девушка потребовала остановить машину, но Олег не слушал ее. Он говорил, и от его слов волосы шевелились на голове Симы...

~ ГЛАВА 5 ~

Оленин, разумеется, не улетел на симпозиум. Он затворился в своей большой квартире и зализывал раны. Его снедал страх. В гулких комнатах, которые он не успел полностью обставить, пахло белилами и паркетной доской. Доктор только-только закончил ремонт. После избиения в собственном парадном у него пропало желание ездить по магазинам, выбирать мебель и предметы домашнего обихода. Теперь это потеряло актуальность.

Доктор днем и ночью ломал голову, кто мог затаить на него злобу и воспылать жаждой мести. Голос человека, который угрожал ему расправой, до сих пор стоял у Оленина в ушах. Он не помнил этого голоса. Значит, злоумышленник — не из числа бывших или нынешних пациентов доктора. К тому же мужчины редко обращались за психологической помощью. В основном контингент Оленина составляли дамы.

Ознакомительный фрагмент книги закончен.
Хотите читать дальше?

Купите книгу "Танец семи вуалей"

и узнайте продолжение истории Глории...